

УДК 330.33.01

DOI: 10.31857/S268667300008876-3

Внешнеэкономические реформы Д. Трампа: предварительные итоги

В.Б. Супян*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)**Российская Федерация, 121029 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3*ORCID: <http://0000-0001-8819-3940>e-mail: vsupyan@yahoo.com*Статья поступила в редакцию 22.01.2020.*

Резюме: В статье анализируются основные направления и предварительные результаты политики президента Д. Трампа во внешнеэкономической сфере. Показаны главные цели и причины проводимых радикальных реформ во внешнеэкономических связях США. Среди объявленных принципов новой внешнеэкономической стратегии – обеспечение национальной безопасности страны, укрепление американской экономики, достижение более выгодных для США торговых соглашений, реализация положений американского торгового законодательства и реформирование многосторонней торговой системы. В целях исполнения данных принципов администрация Д. Трампа предпринимала меры по реформированию внешнеэкономической политики, включая повышение внешнеторговых пошлин на солнечные батареи, а также на сталь и алюминий. Администрация развернула борьбу с несправедливой, по мнению США, торговой практикой в сфере технологий и по защите интеллектуальной собственности, прежде всего в отношении Китая. В числе других внешнеэкономических акций – введение ограничительных импортных пошлин на автомобили и комплектующие к ним, угроза на введение пошлин на импорт из Мексики в целях борьбы с нелегальной иммиграцией.

Особое место во внешнеэкономической политике занимает Китай. В статье анализируется суть претензий США по отношению к Китаю. Среди них требование прекратить обязательную передачу технологий американских компаний китайским контрагентам, прекратить промышленный шпионаж и кражу интеллектуальной собственности, сократить дефицит торгового баланса США, прекратить манипулировать валютным курсом юаня.

В статье даётся оценка экономических отношений между США и Китаем, которые принесли обеим странам немало как выгод, так и издержек. С одной стороны, американский экспорт способствовал созданию новых рабочих мест в США, с другой – перевод предприятий в Китай привёл к потере рабочих мест. Импорт из Китая способствовал и снижению розничных цен в США, и расширению разнообразия на потребительском рынке.

Автор анализирует проблему дефицита торгового баланса США с Китаем и другими странами, отмечая, что это явление необходимо рассматривать более комплексно, с учётом движения капитала между странами и соотношения внутренних сбережений и спроса на инвестиции.

Вывод заключается в том, что современной внешнеэкономической стратегии США присущи серьёзные противоречия. Многие решения в этой области уже обернулись существенными потерями для американских компаний и потребителей. Отмечается, что в

своей стратегии администрация Д. Трампа стремится достичь не только краткосрочных целей (например, сократить дефицит внешнеторгового баланса), но и долгосрочных – усилить экономическую, научно-техническую безопасность страны на фоне обостряющейся международной конкуренции.

Ключевые слова: внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа, внешнеэкономические реформы, внешняя торговля, дефицит торгового баланса, торговля США с Китаем, интеллектуальная собственность, валютный курс, платёжный баланс.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержки РФФИ по проекту № 19-014-00007 «Эволюция роли государства в американской модели экономики XXI века: опыт для России».

Для цитирования: Супян В.Б. Внешнеэкономические реформы Д. Трампа: предварительные итоги. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020; 50(4):5-23. DOI: 10.31857/S268667300008876-3

President D. Trump's Foreign Economic Reform: Preliminary Results

Victor B. Supyan

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Science (ISKRAN).

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8819-3940>

(vsupyan@yahoo.com).

Received 22.01.2020.

Abstract: The article aims to analyze the basic directions and preliminary results of President Trump's policy in a sphere of foreign economic relations. It is shown mayor goals and reasons of ongoing radical reforms in the U.S. foreign economic relations. Among declared principles of new foreign economic strategy – ensuring of national security, strengthening of American economy, achievement of more beneficial agreements for the USA, promotion of American law into international trade practice, reforms of multilateral international trade system. To promote these principles President Trump's administration undertook several steps to reform country's foreign economic policy, including growth of import tariffs on solar batteries and on steel and aluminum. The U.S. Administration raised national security concern about unfair trade practices in a sphere of technology policies, mandated technology transfer and intellectual property. Among other steps – impose of increased tariffs on automobiles and parts, threat to impose sanctions against Mexico in conjunction with illegal immigrants from this country.

A special attention in President Trump's strategy is paid to China. The author analyses the U.S. complaints about Chinese policy. Among them – to stop an intellectual property theft and forced technology requirements, to reduce trade deficit and to stop currency rate manipulations.

The article also reviews the economic relations between USA and China, which brought many benefits to both countries, as well as some losses. On one side, the U.S. exports to China contributed to creation of new jobs in the USA, on the other – the transfer of companies from the USA to China led to job destruction in the USA, especially in manufacturing. U.S. consumers have also gained from trade with China. The lower-priced imports from China reduced an inflation and led to variety of goods on consumer market.

The author analyses the problem of trade deficit of the U.S. with China and other countries, arguing that other factors should be accounted. The overall size of the U.S. trade disbalance is largely a function of low U.S. domestic savings relative to its investment needs, rather than the result of foreign trade barriers.

The author makes a conclusion that the current U.S. foreign economic strategy has serious contradictions. Many decisions made by U.S. Administrations turned to financial losses for U.S. companies and consumers. It is noted that following current strategy the President Trump's administration is trying to reach not only short-term goals (to reduce trade deficit, for example), but is seeking the long-term goals – to strengthen economic and technological security of the USA in a situation of exacerbation of international competition.

Key words: D. Trump's foreign economic strategy, foreign economic reforms, foreign trade, foreign trade deficit, U.S.-China trade relations, intellectual property rights, currency exchange rate, balance of payments.

Acknowledgements: The paper is written under financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project #19-014-00007 «Evolution of Government's Role in American Economic Model in 21th Century: Application to Russian Practice»

For citation: Supyan V.B. President D. Trump's Foreign Economic Reform: Preliminary Results. USA & Canada: economics, politics, culture. 2020; 50(4):5-23.

DOI: 10.31857/S268667300008876-3

ВВЕДЕНИЕ

Среди экономических реформ администрации Д. Трампа едва ли не ключевым направлением является их внешнеэкономическая составляющая. Она достаточно многогранна – здесь и главное предвыборное обещание Д. Трампа вернуть рабочие места на территорию США, и пересмотр двусторонних торговых соглашений, и новый подход к многостороннему торгово-экономическому сотрудничеству, и стремление добиться улучшения торгового баланса США, имеющего гигантский дефицит на протяжении многих десятилетий, и пересмотр внешней инвестиционной политики. Безусловно, немалое значение отводится целям защиты интеллектуальной собственности. Косвенно, но также важную роль во внешнеэкономических реформах играет миграционная проблема, хотя она, несомненно, имеет, прежде всего, внутривнутриполитическое значение.

Три года пребывания Д. Трампа на посту президента позволяют сделать некоторые предварительные оценки его внешнеэкономической политики.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Официально внешнеэкономическая стратегия администрации Д. Трампа зиждется на пяти основополагающих принципах. Как отмечается в годовом докладе торгового представителя США Р. Лайтхайзера за 2018 г., эти принципы состоят в следующем: обеспечение национальной безопасности страны, укрепление американской экономики, достижение более выгодных для США торго-

вых соглашений, продвижение положений американского торгового законодательства и реформирование многосторонней торговой системы [1].

Следует подчеркнуть, что эти декларируемые администрацией принципы, безусловно, требуют конкретизации, поскольку не дают ясного и чёткого понимания, какие именно цели американское правительство преследует в сфере международной торговли и других областях межгосударственного экономического взаимодействия.

Конкретизируем эти цели, исходя из официальной позиции США. В соответствии с заявленной стратегией внешнеэкономическая, прежде всего, торговая политика, должна преследовать более глобальные национальные интересы и, следовательно, соответствовать стратегии национальной безопасности. В достижении этой задачи администрация исходит из того, что торговые соглашения не должны усиливать конкурентов и ослаблять американские позиции.

Следующая ключевая задача – перезаключить устаревшие, по мнению администрации, и не соответствующие интересам США торговые соглашения. Наиболее важным в этом плане считалось торговое соглашение между США, Канадой и Мексикой (прежде – НАФТА, в новой редакции ЮСМКА (*United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA*), а также соглашение о свободной торговле между США и Южной Кореей КОПЮС (*Free Trade Agreement Between the United States of America and the Republic of Korea, KORUS*).

Ещё одна важнейшая цель внешнеторговой реформы – активное продвижение принципов американского торгового права в отношениях с партнёрами США. Отмечается, что США не намерены более терпеть использование другими странами несправедливых, по их мнению, торговых практик и намерены добиваться применения в международной торговле национального американского законодательства. Образцом такого законодательства считается закон «О торговле» от 1974 г. Согласно статье 301 этого закона, президент США имеет право принимать ответные меры против стран, нарушающих справедливые правила торговли или дискриминирующие Соединённые Штаты в торговых отношениях, в том числе вводить торговые квоты, пошлины и накладывать санкции. Другой инструмент борьбы за «справедливую торговлю» – статья 232 закона «О расширении торговли» от 1962 г., где говорится о возможном влиянии импорта на национальную безопасность. Оба эти положения законодательства уже были применены администрацией Д. Трампа как основание для повышения тарифов на сталь и алюминий и повышение тарифов на импортные товары из Китая на сумму в 250 млрд долл. Администрация Д. Трампа также более активно, чем его предшественники, использует антидемпинговые инструменты для ограничения импорта своих конкурентов.

Важная роль во внешнеторговой стратегии отводится и отстаиванию американских интересов во Всемирной торговой организации (ВТО). Администрация Трампа выступает с острой критикой ВТО, отмечая, что организация больше не в состоянии осуществлять регулирующую роль в мировой торговле и противо-

стоять существующим вызовам. В частности, критикуется практика разрешения торговых споров, когда ВТО выходит за пределы своего мандата. Д. Трамп неоднократно обвинял ВТО в низкой эффективности, требуя кардинальных реформ в механизмах принятия решений.

Согласно принятой стратегии, начиная с 2018 г. США стали применять ограничительные меры во внешней торговле, руководствуясь соображениями национальной безопасности и в целях защиты отечественных производителей. Так, в октябре и ноябре 2017 г. Комиссия по международной торговле США пришла к выводу, что импорт солнечных батарей и стиральных машин наносит ущерб производству в стране аналогичных товаров и поэтому соответствующие отрасли американской промышленности нуждаются в протекционистских мерах для защиты внутреннего производства и рынка. Немного раньше обе отрасли обратились в правительство с запросом о проведении соответствующего расследования в рамках статьи 201 закона «О торговле» от 1974 г. Надо заметить, что это было первое расследование подобного рода с 2001 года.

В результате президент Д. Трамп одобрил введение пошлин на импорт солнечных батарей на сумму 8,5 млрд долл. и пошлин на импорт стиральных машин на сумму 1,8 млрд долларов.

В качестве ответной меры правительство Китая ввело антидемпинговые и компенсационные пошлины на импорт из США зерна сорго на сумму 1 млрд долл. (это 178,6% его стоимости). Южная Корея в ответ на действия США обратилась в ВТО, полагая, что США, вводя ввозные пошлины, нарушают правила международной организации.

Второй крупной протекционистской мерой по защите национальных производителей стало инициирование президентом Трампом в апреле 2017 г. расследования в отношении импорта в США стали и алюминия из-за рубежа, как угрозы национальной безопасности, согласно статьи 232 закона «О расширении торговли» от 1962 года.

В результате расследования президент Д. Трамп объявил о предстоящем повышении ввозимых пошлин на сталь (на 25%) и алюминий (на 10%) якобы в связи с угрозой национальной безопасности. В дальнейшем, в марте 2018 г., это повышение должно было коснуться импорта этих товаров преимущественно из Канады, Европейского Союза, Мексики и Южной Кореи на сумму 48 млрд долл. Поставки из КНР составляли лишь 6% общей стоимости импортируемых объемов стали и алюминия.

Однако угроза повышения пошлин была реализована не сразу. Д. Трамп 23 марта 2018 г. временно освободил от уплаты пошлины Канаду и Мексику (под предлогом ведущихся переговоров о реформировании НАФТА). Сумма этого «налогового послабления» составила 15,3 млрд долл. Президент также временно освободил от уплаты пошлины страны Европейского Союза, Южную Корею, Бразилию, Аргентину и Австралию, однако только до 1 мая 2018 г. Таким образом, введенные повышенные пошлины (25% на сталь и 10% на алюми-

ний) распространялись на все страны, не подпадавшие под временное или постоянное освобождение от действия новых правил, и составили в сумме 17,9 млрд долларов [2].

В ответ на объявленные США пошлины Китай ввёл ответные пошлины на такие американские товары, как металлолом, свинина, фрукты и орехи и др., на сумму в 2,4 млрд долл. в экспортных ценах 2017 г. Это примерно соотносится со стоимостью импорта стали и алюминия из Китая в 2,8 млрд долларов.

В июне 2018 г. США отменили временное освобождение от повышенных таможенных пошлин в отношении Европейского Союза, Канады и Мексики. Ответные меры ЕС не заставили себя ждать – Европа ввела дополнительные пошлины на американские товары на сумму в 3,2 млрд долл. Сюда входят промышленные и сельскохозяйственные товары, в том числе моторные лодки, яхты, мотоциклы, джинсы, виски, ореховое масло и т.д. Канада в свою очередь ввела пошлины на товары стоимостью в 12,8 млрд долларов.

При этом американское правительство объявило о намерении субсидировать своих фермеров в размере 12 млрд долл. от возможных потерь в результате введения новых импортных тарифов.

Потери от пошлин на металлургическую продукцию из-за рубежа также достаточно высоки. По оценке Института международной экономики им. Петерсона, цена на металлургическую продукцию в США возросла на 9%. В порядке импортозамещения в США было создано 8,7 тыс. новых рабочих мест в металлургической промышленности, однако в совокупности для потребителей металла каждое новое рабочее место стоило 650 тыс. долларов [2].

В качестве мер по борьбе с несправедливой торговой практикой в сфере технологий и по защите интеллектуальной собственности – третье направление стратегии – в США были предприняты расследования в отношении Китая в соответствии со статьей 301 закона «О торговле» от 1974 г. По оценке торгового представителя США Р. Лайтхайзера, потери США от неправомерных торговых практик составляют ежегодно 225–600 млрд долл. В марте 2018 г. администрация США обнародовала доклад, обвиняющий КНР в такого рода практиках, в котором анонсировались соответствующие меры по преодолению таких явлений. Речь шла о более чем 1,3 тыс. наименований товаров из Китая на сумму в 50 млрд долл., на которые могла быть введена дополнительная пошлина в 25%. Список включал товары различных отраслей машиностроения. Китай в качестве ответной меры опубликовал список из 106 товаров, на которые будет введена 25%-ная пошлина. В него входили в основном транспортные средства (самолёты, суда, автомобили) и сельскохозяйственные товары.

Стороны обменивались уточнёнными списками товаров, подлежащих повышенным тарифам, пока в июле 2018 г. США не ввели в действие новые пошлины на товары стоимостью в 34 млрд долл. Китай немедленно ответил аналогичной мерой.

Взаимное повышение пошлин принимало характер настоящей торговой войны. В июле 2018 г. Р. Лайтхайзер обнародовал предстоящее 10%-ное повышение пошлин на импорт из Китая на сумму в 200 млрд долл., куда входили разнообразные товары, включая компьютеры, мобильные телефоны и одежду. Спустя месяц США стали угрожать уже 25%-ным повышением пошлин на все эти товары.

В августе 2018 г. президент Д. Трамп ввёл в действие 25%-ное увеличение пошлин на оставшиеся товары в сумме 16 млрд долл. (из общего пакета в 50 млрд долл.) и объявил о введении с конца сентября повышения пошлин на 10% на товары стоимостью в 200 млрд долл., заявив, что с января 2019 г. пошлина поднимется до 25%. Ответ Китая был абсолютно зеркальным.

Хотя в декабре 2018 г. США и Китай на саммите G-20 договорились остановить эскалацию напряжённости в сфере торговли, конкретных решений принято не было. Тем не менее президент Д. Трамп отложил введение новых пошлин на товары в 200 млрд долл. до 10 мая 2019 г. Переговоры между странами продолжались, ситуация оставалась неразрешённой до начала 2020 года.

Четвёртым направлением новой внешнеторговой стратегии президента Д. Трампа стало стремление ввести ограничительные импортные пошлины на автомобили и комплектующие к ним в размере 25% на общую сумму импорта в 208 млрд долл. Пока решения по этому вопросу отложены. Их введение, как считают многие эксперты, может вызвать крайне серьёзные ответные меры со стороны, прежде всего союзников США – ЕС, Японии и других стран. Как заявил торговый представитель США, согласно существующему плану действий, администрация должна была провести переговоры с заинтересованными странами и прийти к соглашению в области торговли продукцией автомобильной промышленности до 13 ноября 2019 г. Но и в 2020 г. решение данного вопроса не найдено.

В качестве пятой серьёзной внешнеэкономической инициативы президент Д. Трамп в мае 2019 г. обнародовал намерение ввести 5%-ную пошлину на весь мексиканский импорт в США с тем, чтобы иметь финансовые возможности противостоять нелегальной иммиграции из этой страны. Поскольку в июне 2019 г. была достигнута договорённость с Мексикой о мерах по ограничению нелегальной иммиграции в США, введение этой пошлины, намеченной на 10 июня 2019 г., приостановлено.

Следует отметить, что в американском обществе существует весьма противоречивая и во многом негативная реакция на политику администрации в сфере международной торговли. Так, согласно опросу, проведённому в 2019 г. социологической службой Гэллапа относительно первого раунда тарифной войны между США и Китаем в 2018 г., американцев, которые полагают, что увеличение торговых пошлин принесёт вред экономике США, в 2 раза больше, чем тех, кто считает это полезным для экономики решением. Около 45% респондентов полагают, что долговременный эффект от этих мер будет негативным по сравнению с 31% тех, кто ожидает от возросших тарифов позитивных результатов [3].

Крайне негативно к тарифной политике Д. Трампа относятся деловые круги страны, особенно в аграрном секторе. Именно сельское хозяйство уже понесло ощутимые потери от ответных мер Китая по повышению торговых пошлин на сельскохозяйственную продукцию США.

Как полагают многие эксперты, в принципе не вполне ясно, какие цели преследует администрация США, реализуя свою внешнеэкономическую стратегию. Профессор Дартмутского колледжа Д. Ирвин ставит вопрос о том, каковы цели Д. Трампа в торговой войне с Китаем – является ли война торговых пошлин попыткой принудить Китай изменить свою внешнеторговую практику или это инструмент наказания путём разрушения экономического сотрудничества [4].

Во внешнеэкономической политике США отношения с Китаем занимают особое место [Супян В.Б., 2019]. Прежде всего, Китай – это крупнейший торговый партнёр США. После присоединения КНР к ВТО в 2001 г. объём американско-китайской торговли возрос с 125 млрд долл. до более 700 млрд долл. в 2018 г. ВВП Китая за этот период увеличился в 4 раза и стал занимать вторую позицию в мировой таблице о рангах. Но взгляд на Китай за эти годы в США сильно эволюционировал – от восприятия его как выгодного для США партнёра до Китая как главного конкурента и непосредственной угрозы национальным интересам Америки.

Однако было бы неверно и сейчас оценивать Китай только с отрицательной стороны, как это прослеживается в позиции нынешней американской администрации. В двусторонних экономических отношениях для США, безусловно, прослеживаются выгоды и издержки. Например, между 1995 г. и 2001 г. американский экспорт в Китай способствовал созданию в США 1,8 млн рабочих мест в основном в услугах, в сельском хозяйстве и производстве оборудования. От взаимной торговли выиграли и американские потребители. Только за 2000–2007 гг. импорт дешёвых потребительских товаров из Китая составил 202 млрд долл., что привело в конечном счёте к выигрышу в сумме 101,2 тыс. долл. за каждое потерянное рабочее место в обрабатывающей промышленности.

Действительно, потери рабочих мест в обрабатывающей промышленности США были ощутимы. С 1999 г. по 2011 г. они составили 560 тыс., с учётом смежных отраслей они были ещё больше – 2 млн рабочих мест. Однако, если учесть структуру импортируемых из Китая в США товаров по добавленной стоимости, эти оценки явно преувеличены. Например, в каждом айфоне, импортированном из Китая в Соединённые Штаты, доля стоимости, созданной собственно в Китае, составляет лишь 3,6%. Остальное было создано в США в виде программного продукта. В Китае же осуществляется лишь конечная сборка телефонов.

Если учитывать такие рода расчёты, то весь импорт США из Китая надо уменьшать примерно на 32%. Можно утверждать, что первоначальный негативный эффект взаимодействия с Китаем в плане влияния на рабочие места в стране уже закончился, и современный этап экономических отношений перемещается в область высокотехнологичной конкуренции. Заметим, что с 2010 г. в

США не наблюдается массовый перевод рабочих мест за рубеж – напротив, за последние восемь лет в обрабатывающей промышленности было создано 1,2 млн новых рабочих мест.

Как уже отмечалось, одним из центральных вопросов экономических взаимоотношений США с Китаем для американской администрации является вопрос о дефиците торгового баланса. Действительно, дефицит торгового баланса США с Китаем вырос с 81 млрд долл. в 2001 г. до 336 млрд в 2017 г., что составляет 60% дефицита совокупного американского торгового баланса [5].

Однако, как полагают многие эксперты, торговый дефицит США с Китаем надо рассматривать в контексте причин общего торгового дефицита, который является не столько результатом ограничений для американского экспорта, сколько отражением низкой нормы сбережений в США. Это в свою очередь требует притока иностранного капитала для финансирования внутренних потребностей в инвестициях и государственного долга. Попытки уменьшить дефицит без рассмотрения проблемы разрыва между сбережениями и инвестициями, вряд ли приведут к изменению торгового баланса.

Собственно, факты говорят о том, что взгляд на торговый дефицит как источник однозначных потерь для экономики не соответствует действительности. Все двухтысячные годы в периоды устойчивого роста и растущей занятости наблюдался рост дефицита торгового баланса. При этом дефицит сокращался в периоды спадов и растущей безработицы.

Говоря о торговом балансе США с Китаем, важно отметить ещё одно обстоятельство, которое формальной статистикой практически не берётся в расчёт. Так, если учесть деятельность аффилированных американских и китайских компаний на рынках друг друга, можно увидеть гораздо более сбалансированную картину двусторонних экономических отношений между странами. В этом случае, если принять во внимание американские инвестиции и продажи американских товаров через аффилированные компании, роль США в экономике Китая выглядит гораздо более масштабной, чем об этом свидетельствует официальная статистика. Китайский бизнес на рынке США представлен, напротив, преимущественно в виде прямого экспорта из Китая. Если учесть вышесказанное, то получится, вопреки официальной таможенной статистике, что США продают в Китай больше, чем покупают в Китае.

Так, согласно расчётам, сделанным экспертами Брукингского института и Американского института предпринимательства, общий объём продаж американских компаний в Китай, включая прямой экспорт (228 млрд долл.) и продажи аффилированных американских компаний в Китае (574 млрд долл.) составлял в 2016 г. 802 млрд долл. Объём же продаж Китая в США, включая прямой экспорт (523 млрд долл.) и продажи аффилированных китайских компаний в США (45 млрд долл.) – 568 млрд долл. Из сравнения экспорта двух стран при таком подходе следует, что как раз США имели положительное сальдо торгового баланса с КНР. Разница в том, что 92% китайского экспорта приходилось на пря-

мые поставки из Китая в США, а для США – 71% экспорта приходился на продажи в Китай через аффилированные компании. Таким образом, вопрос о торговом балансе приобретает новое измерение [5].

О возможных целях развязанной торговой войны с Китаем надо сказать особо. Официальный список претензий к Китаю выглядит следующим образом:

1. Китай должен прекратить требовать от американских компаний, работающих в стране, передавать им свои технологии, то есть приток американских инвестиций не должен быть обусловлен передачей Китаю американских технологий. Кроме того, не должно быть ограничения условий лицензирования американскими компаниями своих технологий в Китае.

2. Необходимо прекратить практику, когда американские компании, торгующие с Китаем, должны регистрировать свой бизнес в КНР как совместные предприятия.

3. Китай должен прекратить промышленный шпионаж против американских компаний, а также несанкционированные киберпроникновения в американские компании для получения информации о новых технологиях.

4. Китайское правительство должно прекратить субсидировать национальные китайские компании, работающие в высокотехнологичных секторах экономики, поскольку это даёт им неоправданные преимущества перед иностранными партнёрами.

5. Китаю необходимо сократить барьеры для американского сельскохозяйственного экспорта.

6. Необходимо стремиться сократить большой торговый дефицит США в двусторонней торговле.

7. Правительство Китая должно прекратить манипулирование курсом национальной валюты – юаня, что даёт Китаю преимущество во внешней торговле.

Разумеется, США, безусловно, заинтересовано в выполнении Китаем всех своих требований. На практике сделать это достаточно сложно, тем более что многие из них противоречат друг другу. Так, если Китай, например, пойдёт навстречу требованию США прекратить обязательную передачу технологий, создавать совместные предприятия, ограничить заимствования интеллектуальной собственности, это будет стимулировать аутсорсинг из США в ещё больших масштабах, что противоречит призыву Д. Трампа вернуть рабочие места на родину. Цель Д. Трампа уменьшить торговый дефицит с Китаем путём увеличения американского экспорта предполагает усиление взаимодействия с КНР и таким образом противоречит другой стратегической задаче – ограничить научно-технический прогресс Китая.

Вероятно, Д. Трамп сознательно выдвигает к Китаю завышенные требования, следуя своей излюбленной тактике – сначала завышать ставки, затем, судя по обстоятельствам, немного уступить и в конечном счёте остаться в выигрыше. Разумеется, американский лидер мыслит не только экономическими и стратеги-

ческими категориями, идя на торгово-политическую конфронтацию с Китаем. Его задачи, конечно же, и тактические – продемонстрировать достижение каких-либо конкретных результатов в преддверии будущих президентских выборов. Прошедшие в июле 2019 г. торговые переговоры между США и Китаем вновь не привели к договорённостям и были отложены до октября. Хорошее состояние экономики США пока оставляет американской администрации время для манёвра. Снижение Китаем в августе 2019 г. курса юаня по отношению к доллару вновь обострило ситуацию в торговых отношениях двух стран и привело к обвинениям со стороны США в валютном манипулировании.

Лишь в январе 2020 г. странам удалось заключить предварительное торговое соглашение, по которому США не будут вводить планировавшиеся новые торговые пошлины на сумму в 156 млрд долл. и вдвое снизят ранее введённые 15% пошлины на сумму в 120 млрд долл. В свою очередь Китай обещает увеличить импорт товаров из США на 200 млрд долл., усилить контроль в сфере интеллектуальной собственности и не девальвировать юань.

Для Д. Трампа это соглашение даже в нынешнем, ограниченном варианте имеет большое значение в преддверии президентских выборов 2020 года [6].

Помимо масштабного антикитайского направления не понятны и цели повышения тарифов на сталь и алюминий, равно как и предполагаемый рост пошлин на поставки в США автомобилей и комплектующих из стран ЕС и Японии. Не случайно американские автомобилестроители выступают против такого странного протекционизма – ведь они получают собранные автомобили и их комплектующие от своих зарубежных предприятий. Кроме того, очевидно, что повышение пошлин на автомобили непосредственно повлияет на розничные цены.

Не ясны намерения Д. Трампа и в отношении ВТО. С одной стороны, администрация США активно использует эту организацию как средство для разрешения торговых споров, в том числе с Китаем, с другой – Вашингтон резко критикует решения ВТО, не поддерживающие во всех случаях США, и заблокировал решение о назначении новых юристов в апелляционную палату организации.

Ещё один вопрос, где позиция Д. Трампа весьма противоречива – это вопрос о торговом дефиците. По мнению Трампа, торговый дефицит отражает степень зависимости США от других стран. Очевидно, что с макроэкономической точки зрения это далеко не всегда верно. Огромный импорт дешёвых товаров в США из других стран, прежде всего развивающихся, создавал немалые преимущества для США, позволяя использовать международное разделение труда в своих интересах, сдерживать инфляцию. Обычно протекционистские меры вводятся для поддержки отечественных отраслей в трудные для экономики времена, в условиях, когда её конкурентоспособность низка. Вводя протекционистские меры в весьма благоприятной для экономики США ситуации, американская администрация лишь создаёт сложности для отечественных производителей, затрудняя

их взаимодействие с зарубежными партнёрами, повышая издержки производства и вызывая рост розничных цен.

РЕЗУЛЬТАТЫ, ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чем же объяснить противоречивость реализации внешнеэкономической стратегии американской администрации, да собственно и самих целей этой стратегии? Ведь они не только приносят неоднозначный результат, но и во многом противоречат всей предыдущей внешнеэкономической политике США на протяжении многих десятилетий. Как свидетельствуют факты, либерализация торговли и мировой экономики в целом приносила США немало выгод.

Для миллионов американских домохозяйств снижение торговых барьеров означало снижение розничных цен, повышение разнообразия и качества товаров и услуг. Свободная конкуренция в сфере международной торговли насытила американский рынок доступными потребительскими товарами, бытовой электроникой, разного рода домашними приборами и мебелью, качественной едой. Для американских граждан потребительское изобилие по низким ценам обернулось более высокими реальными доходами.

Немало выгод получили и производители, в том числе импортёры. Примерно половина годового объёма американского импорта предназначена не для конечного потребления, а для последующего производства в качестве сырья и оборудования. Таким образом, американские производители весьма зависят от импортных поставок из-за рубежа для поддержания своих конкурентных позиций. Свободная торговля открывает широкие возможности и для американских экспортёров. Так, если американский экспорт в другие страны в 2017 г. составил 2,4 трлн долл., то поставки американских компаний за рубеж через их аффилированные структуры в других странах составили сумму в 6 трлн долларов [7].

Вопреки утверждениям Д. Трампа и сторонников протекционизма, свободная торговля вовсе не означает во всех случаях потерю рабочих мест. При рекордном импорте и дефиците торгового баланса экономика США в 2018 г. имела самый низкий уровень безработицы за минувшие 50 лет (по крайней мере, по официальным данным) и значительный прирост рабочих мест в стране.

Конечно, большое число американских компаний перевело за минувшие 30–40 лет свои производства за рубеж, что повлияло негативно на занятость во многих традиционных отраслях экономики страны. С 1998 г. США потеряли 5 млн рабочих мест в обрабатывающей промышленности и смежных отраслях, в основном из-за перевода предприятий за рубеж и растущего импорта и дефицита торгового баланса, прежде всего с Китаем.

Но это – не результат либерализации внешнеэкономических связей как таковой. Это – отражение нового международного разделения труда, при котором развитые страны, и в первую очередь США, концентрируют у себя наукоёмкие секторы экономики (как материального производства, так и сферы услуг), бази-

руясь на возможностях своего научно-технического потенциала. В результате в страны, не имеющие таких возможностей, перемещаются традиционные, трудоёмкие отрасли экономики. Таким образом, с точки зрения перспектив научно-технического и экономического развития, для США этот процесс скорее преимущество, чем недостаток, о чём неустанно говорит Д. Трамп.

Несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества от либерализации торговли и других форм мирохозяйственных связей, администрация Д. Трампа говорит о значительном ущербе, наносимом современной экономической глобализацией американской экономике. Особой критике подвергаются три области внешнеэкономических связей – постоянный дефицит внешней торговли, импорт стали и отношения с Китаем, о чём подробно говорилось выше.

Что касается торгового дефицита, то он, по мнению Трампа, означает деньги, украденные у американцев. На самом деле торговый дефицит – это не результат торговой политики. По сути он отражает соотношение сбережений и инвестиций в экономике. США сберегают меньше, чем инвестируют, что означает нетто-приток иностранного капитала, выражающийся в конечном счёте в дефиците текущего платёжного баланса. Торговый баланс нельзя рассматривать в отрыве от движения капитала. Обратная сторона дефицита торгового баланса – положительное сальдо движения капитала.

Как уже отмечалось выше, существует мнение, что в широком смысле торговый баланс США вполне сбалансирован, если в него включить не только торговлю товарами и услугами, но и потоки капитала, направленные на инвестиции США за рубежом и иностранные прямые и портфельные инвестиции в США [7].

Большое влияние на растущий торговый дефицит США имеет переоцененный курс доллара (на 25–30%, как считают эксперты), что делает американский экспорт дороже. С другой стороны, Китай, например, только в 2018 г. сократил курс юаня на 10%, таким образом, экспорт из страны становится более выгодным. Как результат растущей стоимости доллара (вследствие притока иностранного капитала в США увеличивается спрос на доллар, что приводит к росту его стоимости – на 20% с 2013 г. и на 5,4% – в 2018 г.) и увеличивающегося импорта, растёт дефицит платёжного и торгового баланса. По оценке экспертов Международного валютного фонда, дефицит в торговле товарами в США может увеличиться в 2020 г. на 400 млрд долл. и достигнет как минимум 1,2 трлн долл. Это может привести к потере 2,5–7,5 млн рабочих мест (по разным сценариям), прежде всего в обрабатывающей промышленности.

Дело в том, что в рамках платёжного баланса, учитывающего движение не только товаров, но и капиталов, а также доходы владельцев капитала и работающих за рубежом, эти потоки отчасти компенсируют собственно отрицательный баланс в торговле товарами (превышение импорта над экспортом). Помимо положительного сальдо в динамике капиталов, США имеют положительный баланс в торговле услугами, что также снижает общее отрицательное сальдо как торгового, так и платёжного баланса.

Ещё один фактор серьёзно меняющий структуру торгового баланса США – заметное уменьшение дефицита товарной торговли удельного веса нефти и нефтепродуктов. В 2008 г., например, эта величина достигала 2,8% ВВП, а к 2018 г. ситуация кардинально изменилась. Достигнув в значительной степени самообеспеченности топливом, США сократили дефицит в торговле нефтью и нефтепродуктами до 0,3% ВВП. В то же время основное бремя дефицита приходится на прочие товары, кроме нефтепродуктов, т.е. продукцию обрабатывающей промышленности. Дефицит этими товарами в 2018 г. был более 730 млрд долл., что составляет 3,8% ВВП [8].

Именно поэтому растущий торговый дефицит может оказать столь неблагоприятное влияние на занятость в обрабатывающей промышленности.

Как полагают многие эксперты, проблему растущего торгового дефицита в США можно было бы существенно смягчить, если предпринять усилия по снижению курса доллара. Так, например, было сделано в 80-е годы XX века, когда правительство США договорилось с ведущими экономическими партнёрами – Великобританией, Германией, Францией и Японией о девальвации доллара на 30%. В результате дефицит торгового баланса США упал с максимальной отметки в 152 млрд долл. в 1987 г. до 31 млрд долл. в 1991 году [8].

Оценивая стратегию Трампа в сфере внешнеэкономических связей, можно прийти к следующим выводам. В 2018 г. торговый дефицит США возрос на 12,5% и достиг максимума за десятилетний период в 621 млрд долл., из которых 419 млрд пришлось на торговый дефицит с КНР [9]. При этом дефицит в торговле товарами составил 891 млрд долл. Уже одно это вряд ли свидетельствует о позитивных результатах торговой стратегии Д. Трампа.

Ограничения, наложенные на китайскую компанию «Хуавэй», серьёзно осложнили отношения США с Китаем в сфере высоких технологий. В краткосрочном плане это, несомненно, наносит удар по технологическому развитию Китая, однако в долгосрочном – это скорее укрепит позиции научно-технического комплекса КНР и заставит Китай в большей степени полагаться на собственные силы.

С точки зрения внутриполитических и внутриэкономических последствий, внешнеэкономическая стратегия США, по оценкам, уже приносит потери для американских потребителей в размере в 1,4 млрд долл. в месяц, что может весьма негативно сказаться на позиции Д. Трампа на предстоящих выборах 2020 г. Одновременно многие в США весьма негативно оценивают уже имеющиеся договорённости США с Китаем по проблемам киберпреступности, кражи интеллектуальной собственности, манипулирования валютным курсом, полагая, что Китай продолжает прежнюю линию в этих вопросах. Стратегия Д. Трампа, направленная на повышение пошлин на китайские товары, что негативно влияет на внутренний рынок США, инфляцию и корпоративные доходы, фактически не достигает поставленных целей.

Однако в стратегии Д. Трампа не следует видеть лишь краткосрочные цели. Своими действиями он пытается усилить экономическую, научно-техническую, да и политическую безопасность США на фоне международной конкуренции. Немалую роль сыграли противоречия экономической глобализации, то есть того самого экономического либерального порядка, в создание которого сами США вложили столь большие усилия после Второй мировой войны.

Пока в новой внешнеэкономической стратегии Д. Трампа можно видеть достаточно скромные успехи и немало противоречий и неудач.

Среди, казалось бы, побед – реформатирование НАФТА в ЮСМКА. Хотя изменения в договоре носят минимальный характер, США добились определённых уступок со стороны Канады и Мексики. Соглашение ратифицировано Конгрессом в декабре 2019 г. и подписано президентом 29.01.2020 года.

США добились, чтобы и Южная Корея, и Европейский Союз согласились на переговоры о новом соглашении о торговле. Страны Европы согласились на переговоры, даже до снятия пошлин на сталь и алюминий, но отказались от переговоров по сельскому хозяйству.

Япония также уступила требованиям США начать двусторонние торговые переговоры вне связи с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП), из которого США вышли. Однако Япония одновременно укрепляет свои отношения с оставшимися странами – членами ТТП.

Ставка Д. Трампа на заключение двусторонних соглашений, безусловно, позволяет США добиваться более выгодных для себя условий во внешнеэкономических связях. Однако ограниченность двусторонних связей тоже очевидна. На примере торговой войны с Китаем, да и с другими странами, видно, что партнёры США активно сопротивляются американскому диктату и обладают немалыми экономическими возможностями для адекватного ответа.

Можно назвать несколько вполне конкретных негативных последствий нынешней внешнеэкономической стратегии Д. Трампа. Помимо по-прежнему большого торгового дефицита, который, конечно, имеет долговременные причины, есть отрицательные проявления развязанной Д. Трампом торговой войны и повышения торговых тарифов. По оценке исследования, проведённого в Принстонском и Колумбийском университетах совместно с Федеральным резервным банком Нью-Йорка, только в ноябре 2018 г. новые торговые тарифы уменьшили совокупные доходы населения США на 1,4 млрд долл. За 11 месяцев 2018 г. потери населения в доходах составили 7 млрд долларов [10].

Очень серьёзными негативными последствиями для автомобильной отрасли США грозит заявленное Д. Трампом повышение пошлин на мексиканский экспорт в США (в случае продолжения нелегальной эмиграции в США). Дело в том, что большинство ведущих автопроизводителей мира имеют автомобильные предприятия в Мексике, где осуществляется конечная сборка автомобилей и производство комплектующих. Это и ведущие американские автопроизводители («Дженерал моторс», «Форд», «Фиат-Крайслер»), и крупнейшие производители

других стран: «Ауди», «Тойота», «Ниссан», «Хонда», «Мазда». В целом, Мексика экспортирует автомобилей и комплектующих к ним ежегодно на сумму в 93 млрд долларов.

Если американские автомобильные компании, производящие свою продукцию в Мексике, не переложат увеличение издержек на потребителей – а это имеет свои пределы, то повышение пошлин чревато для них многомиллиардными потерями. Так, по оценке «Дойче банка», производственные издержки «Дженерал моторс» возрастут на 6,3 млрд долл., корпорации «Фиат-Крайслер» – на 4,8 млрд долл., корпорации «Форд» – 3,3 млрд долл. Всего для ведущих мировых автопроизводителей повышение пошлин на мексиканские товары будет стоить около 17 млрд долл., что неизбежно окажет понижающее влияние на мировой автомобильный рынок [11].

При этом следует помнить, что рынок автомобилей в США уже несколько «просел» после рекордного производства в 2016 г., когда объём продаж составил 17,55 млн машин. Рекордным также является и объём задолженности американцев по автокредитам, составляющим 1,27 трлн долл. в 2018 году.

Существует мнение, что, намереваясь повысить пошлины на товары из Мексики, Д. Трамп имеет в виду прежде всего автомобили. Он говорил об автомобильных концернах, которые не прислушались к его призывам переносить производства в США. Так, корпорация «Дженерал моторс» вопреки пожеланиям Трампа, не отказалась от намерения, объявленного ещё в 2014 г., построить 14 новых предприятий в Мексике, хотя и согласилась поначалу инвестировать 1 млрд долл. в новые автомобильные заводы в США. Затем, однако, компания отказалась от этой идеи и объявила о массовом закрытии предприятий в стране и увольнении тысяч рабочих. Все это вызвало крайнее неудовольствие президента Трампа.

Схожая история произошла и с компанией «Форд», которая ещё в 2016 г. объявила о строительстве предприятия в Мексике для производства автомобилей «Фиеста» и «Фокус». Кроме того, «Форд» обнародовал планы строительства завода в Мексике по производству двигателей и трансмиссии. Сразу после объявления этих планов Д. Трамп пообещал обложить экспорт компании пошлинами в 35%.

Таким образом, намереваясь повысить пошлины на мексиканские товары в США, Д. Трамп, прежде всего, пытается наказать «непослушные» автомобильные компании, заботящиеся о своих доходах и конкурентных позициях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешний период внешнеэкономической стратегии Д. Трампа – это лишь начальный этап обострившейся в мире конкурентной борьбы за рынки и экономические позиции. Порой она принимает формы протекционизма, основанного чуть ли не на меркантилистской теории внешней торговли XIX века, отри-

цавшей роль импорта в экономическом развитии. Такой упрощённый подход к конкуренции вряд ли имеет перспективу на успех. Поскольку современная мировая экономика не только глобальная – а этот процесс более чем объективен, она всё больше зиждется на цифровых технологиях, которые по определению имеют международный характер.

Как найти оптимальное соотношение между экономической безопасностью и конкурентными позициями страны, её местом и ролью в мировом сообществе и усиливающейся технологической взаимозависимостью и ставшей уже глобальной мировой экономикой – это вопрос, на который современная внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа не даёт ответа.

ИСТОЧНИКИ

1. The Economic Report of the President, Washington, 2019, p. 495.
2. Peterson Institute for International Economics. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date-Guide. Chad Brown and Melina Kolb. May 30, 2019, p. 2-4, 6. Available at: <http://piie.com/sites/default/files/documents/trump-trade-war.timeline.pdf> (accessed 10.09.2019)
3. "America First" – US Trade Policy under President Trump. BDI, p. 2. Available at: <http://english.bdi.eu/article/news/america-first-u-s-trade-policy-under-president-donald-trump/> (accessed 15.02.2020).
4. Douglas Irwin. Understanding Trump's Trade War. *Foreign Policy*. April 12 2019, p. 3. Available at: <http://foreignpolicy.com/gt-essay/understanding-trumps-trade-war-china-trans-pacific-nato/> (accessed 21.08.2019).
5. Joshua P. Meltzer and Neena Shenai. The US – China economic relations. A comprehensive approach. Brookings Institution, American Enterprise Institute. February 2019, p. 8, 9, 11. Available at: <http://www.brookings.edu/research/the-us-china-economic-relationship-a-comprehensive-approach/> (accessed 12.09.2019).
6. Ana Swanson. China Trade Deals Details Projections for American Firms. *The New York Times*. Jan 14, 2020. Available at: <http://nyti.ms/2u3pGnW> (accessed 20.02.2020).
7. D. Griswold Assessing President Trump's Trade Priorities. *CATO Journal*. Winter 2019, p. 2, 4. Available at: <https://www.cato.org/cato-journal/winter-2019/assessing-president-trumps-trade-priorities> (accessed 10.09.2019).
8. Robert E. Scott. The failure of Trump's trade and manufacturing policy. *Economic Policy Institute Working Economics Blog*. Dec 21, 2018, p. 5, 6. Available at: <http://www.epi.org/blog/the-failure-of-trumps-trade-and-manufacturing-policy/> (accessed 1.10.2019).
9. Richard Higgott. From trade diplomacy to economic war fore: the international economic policy of the Trump Administration Working Paper 10/2019, 31 May 2019. Available at: www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/bf748739-72ef-4ed1-9567-c79497b6596c/wp10-2019-Higgott-from-trade-diplomacy-to-administration.pdf? (accessed 23.09.2019).

10. Andrew Soergel. The Unintended Consequences of Trump's Tariffs. *US News&World Report*. March 7, 2019. Available at: <http://www.usnews.com/news/economy/articles/2019-03-07/the-unintended-consequences-of-trumps-tariffs> (accessed 5.08.2019).

11. Sean O'Kane. Donald Trump's war on cars is pushing the US closer to a recession. *The Verge*. June 1, 2019, p. 2. Available at: <http://www.theverge.com/2019/6/1/18647215/donald-trump-mexico-tariffs-ears-recession-jobs> (accessed 11.09.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Супян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 9. С. 23–32.

REFERENCES

Supyan V. US-China trade relations: causes of crises and prospects. *Russian Foreign Economic Journal*. 2019. No. 9. PP. 23-32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУПЯН Виктор Борисович, член-корреспондент РАН, руководитель научного направления Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Victor B. SUPYAN, Corresponding Member of RAS, Academic Director of Economic Studies of ISKRAN. Chief Research Fellow Institute for the U.S. and Canadian Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khlebnny per., 121069 Moscow Russian Federation.